

Спасибо, сердце, что болеть
И рваться ты не разучилось.
Разлуку — крохотную смерть
Не отдаешь врагу на милость.
И радость — крохотную жизнь
Всю целиком в себя вмещаешь.
И сумасбродства виражи
Не запрещаешь.

Спасибо, сердце, что любить
Как в первый раз, не расхотело.
Сказало — так тому и быть,
Коль влюблены душа и тело.
Спасибо, сердце, что поешь
В своей темнице ты загрудной.
И не впускаешь лесь и ложь,
Хоть это трудно.

Спасибо, сердце, что огней
Сигнальных ты не погасило.
И, как маяк, светило Ей,
И для любви давало силы.
Спасибо... И прости меня
За то, что нервничал и злился,
И бурю на покой менять
Не научился.

Играет солнце в листьях клена:
 Один прозрачен на просвет,
 Другой горит темно-зеленым,
 На третьем вовсе бликов нет...
 Но все они в одном едины:
 В неповторимости своей.
 Нет в их оттенках середины,
 Всяк лист — породистых кровей.
 На самом деле, лишь светило
 Им дарит щедро разный тон.
 И смотрятся свежо и мило,
 С каких ни глянь на них сторон.
 И я, смотря на клены эти,
 Не раз задумался о том,
 Что все мы, будто листья, дети
 Одних времен... И старый том,
 Что книгою судеб зовется,
 У нас на всех, увы, один.
 Но вдруг страница разорвется,
 Иль странный случай-господин
 Покажет норов свой и силу —
 Зря возмущеньем не греми.
 И свет всесильного светила
 Лишь с благодарностью прими.

* * *

Август... Будто молодость уходит.
 Утром слышу каждый ее шаг:
 Вот кричит из песни пароходик,
 Переводит Киплинга Маршак.
 И поют Высоцкий с Окуджавой
 Не с пластинок... Живы — и поют.
 И гордимся мы своей Державой,
 И в домах без роскоши — уют.
 Август... Будто молодость стучится.
 Слышу в сердце каждый ее стук,
 Алчной, ненасытной волчицей
 Юных дней моих сужает круг.
 А они — беспечные ягнята,
 Как на карнавал, идут под нож...
 До сих пор мне так и не понятно,
 Как я жил? Все, август, подытожь:
 Как мне сладко и пилося, и елось,
 Кем я только не был увлечен...
 Август, ты не молодость, а зрелость,
 Если точно знаешь, что почему!
 Отпусти грехи, скажи мне — с Богом,

Просто так, без лишних слов скажи.
За медово-яблочным порогом
Ждут меня иные рубежи.
Дверь открой в безрадостную осень,
Может быть, последнюю уж дверь.
Утром треск заиндевелых сосен
Будет мне будильником теперь.
Август... Опустеют скоро скверы,
Скармливая вялый лист костру...
Август мой, люблю тебя без меры
За минуты эти поутру.

* * *

Ах, этот пьяный воздух грозовой,
Звонящая до боли тишина:
Не слышно будет вопля — хоть завой,
Начни петь песню — будет не слышна.

Так густ эфир, как в заводи вода,
Тяжел, как тол, и вязок, будто мед.
И вязнут в медовухе города,
Пока трезубец первый не сверкнет.

А там пошло: чудаковатый бес
Не раз трезубцем вспорет облака,
И бросит нам и тол, и мед с небес —
Простите, мол, смешного чудака.

И ведь простим — как дышится теперь!
И как теперь разумна тишина:
Как будто в рай нам отворили дверь,
Откуда песня тихая слышна.

* * *

Я созрел. Я хочу свою книгу издать
И не буду от вас своих планов скрывать:
Пусть узнает весь мир о пиите!
Дивиденды меня успокоят вполне,
Впрочем, речь не совсем о высокой цене —
О бесценности, если хотите.
Есть мечта и существенный ориентир:
Я хочу, чтоб ее зачитали до дыр,
Чтоб вином заливали и кофе.
Пусть какой-нибудь юный филолог-студент,
Получив ее от президента в презент,
Не узнает мой старческий профиль.
Чтоб на полочке было ее не найти,
Чтоб она, как и я, пребывала в пути,
Лоск и цвет, и страницы теряя.

Чтоб в больничной палате лежала с тобой
И с солдатом, когда протрубили отбой.
Чтоб читали ее, поверяя
Каждый вздох или выбранный путь... Если б так!
Не сломались бы только перо и верстак,
Не текла бы дырявая крыша.
Чтоб издатель поверил, редактор простил,
Чтобы Бог милосердный грехи отпустил,
И мой сборник таким бы и вышел.
Остается не много, совсем пустячок:
Лень и праздность повесить на дальний крючок
Да отдать свое сердце страницам.
Пусть с подтеками крови, с ожогами глаз
Долетят они все же когда-то до вас,
Как на волю попавшие птицы.

* * *

Птица в мой дом залетела.
Ах, если б только мне знать,
Что ты пропеть мне хотела,
Песней своею сказать?
Весть принесла ли благую
Или судьбы приговор?
Мог бы — и ту, и другую
Выкрал у птицы, как вор.
Но наяву все иначе:
Птица взмахнула крылом...
Что ж, пожелаю удачи
Птице, покинувшей дом.
Пой, моя милая птица,
Ты рождена, чтобы петь.
Кто-то под песню родится,
Кто-то почувствует смерть...
Души скорбят на погосте
Или ликуют в раю...
Я ж, моя странная гостья,
Просто с тобою пою.